

ЭО-Online, 2014 г., № 1

© А. Дьеккофф, Е.И. Филиппова

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИИ В «ПОСТНАЦИОНАЛЬНУЮ» ЭПОХУ

Интервью зам. главного редактора журнала «Этнографическое обозрение» Е.И. Филипповой с директором Центра международных исследований Института политических наук Sciences Po

Ключевые слова: нация, национальное государство, национализм, национал-популизм, сепаратизм, постнационализм, супранационализм

В интервью обсуждаются проблемы природы и сущности национальных государств, их изменений в результате глобализации и дальнейших перспектив их существования, причин и проявлений современного национализма.

Е.Ф.: Давайте начнем с того, что попытаемся снова ответить на знаменитый ренановский вопрос «Что такое нация?». Что можно сегодня сказать по поводу классического противопоставления «политического» и «культурного» понимания нации?

А.Д.: Действительно, нередко встречается такое противопоставление двух концепций нации. Первая видит в ней результат свободного политического объединения граждан, конструкцию рациональную и произвольную. Это нация «французского типа» – гражданская, договорная, избирательная, задуманная мыслителями Просвещения и реализованная Великой Революцией. По контрасту, другой тип нации понимается как материализация культурной общности, выражение чувства идентичности, отражение естественного порядка. Эта этническая, органическая нация, носительница коллективной души – нация «немецкого типа», наследница романтизма, получившая воплощение во Втором и затем Третьем Рейхе. Эта дихотомия родилась в совершенно конкретных исторических обстоятельствах 1870-х годов, в связи с проблемой Эльзаса и Лотарингии. Немецким историкам (Моммзену, Штраусу), обосновывавшим включение эльзасцев в состав Рейха их германской культурой, их французские коллеги (Ренан, Фюстель де Куланж) возражали, защищая право эльзасцев остаться французами, если таков их политический выбор. Несмотря на изначально политически обусловленный контекст, различие политической и культурной нации оказалось интеллектуально влиятельным подходом. Ставшее популярным благодаря немецкому историку Фридриху Мейнеке, противопоставившему культурную нацию (*Kulturnation*) политической (*Staatsnation*)¹, это различие было подхвачено целой плеядой аналитиков. Для его утверждения много сделал, в частности, американский политолог немецкого происхождения Г. Кон, поэтому мне кажется полезным процитировать его достаточно пространно: «В западном мире, в Англии и Франции, Нидерландах и Швейцарии, в Соединенных Штатах и британских доминионах подъем национализма был феноменом преимущественно политическим.

Ален Дьеккофф (Dieckhoff) – ведущий научный сотрудник Национального центра научных исследований Франции (CNRS), директор Центра международных исследований Института политических наук (*Centre d'Etudes et de Recherches Internationales*) Sciences Po (Париж).

Елена Ивановна Филиппова – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва).

Ему предшествовало или, в случае с Соединенными Штатами, с ним совпало формирование будущего национального государства. За пределами западного мира, в Центральной, Восточной Европе и в Азии, национализм возникал не только позднее, но и, как правило, на предыдущей стадии социально-политического развития... Поэтому за пределами Запада поднимающийся национализм нашел свое главное выражение в сфере культуры². И сегодня еще у некоторых авторов можно найти отголоски теории, сформулированной Коном: политическому национализму, зародившемуся в кильватере французской революции, на базе старого и мощного государства, противостоит якобы органический национализм, питаемый языком и культурой, развившийся в странах, не имевших своей государственности (Италии, Польше... и в целом во всех странах Третьего мира)³.

Эта бинарная типология всегда основана, в конечном счете, на контрасте между «западными» (Великобритания, Франция, США) и «восточными» (Германия, страны Восточной Европы, «Третий мир») нациями. Однако эту концептуальную антиномию следует использовать с большой осторожностью по ряду причин. Прежде всего, потому что она таит в себе опасность сведения альтернативы между двумя концепциями нации к двум культурно предопределенным (французскому и немецкому) пониманиям коллективной идентичности. А это означает невнимание как к той части немецкой философии, в которой важнейшее место отводится политической связи (Гегель и его последователи), так и к тем идейным направлениям во Франции, которые настаивали на важности культурной связи для укрепления нации (Баррес, Моррас). Кроме того, эта дихотомия во многих отношениях является спорной. Так, трудно рассматривать Центральную и Восточную Европу как монолитный блок. В Центральной Европе (Польша, Венгрия, Хорватия, Богемия) с феодальной эпохи существовало политическое представительство наций (через государственные ассамблеи, парламенты). В XIX в. национальная мобилизация основывалась здесь прежде всего на политических требованиях, культурные же были скорее вспомогательными. Иначе обстояло дело в Восточной Европе, где небольшие крестьянские народы никогда не имели собственных политических образований (эстонцы, латыши) или были лишены их в результате многовекового угнетения (болгары, литовцы). В этих случаях, действительно, культуре уделялось преувеличенное внимание с двойной стратегической целью. Во-первых, культура должна была свидетельствовать о существовании народа, придавая ему видимость «изначального» единства: пусть и политически несамостоятельный, народ обладал, таким образом, собственной культурной спецификой. Во-вторых, народная культура служила орудием сопротивления политическому режиму, которому был подчинен соответствующий народ. Во имя культуры можно было с полным основанием протестовать против универсалистских претензий империй (российской, оттоманской, австро-венгерской). Но даже у этих так называемых «малых наций» культурные требования были лишь прологом к требованию политической независимости. Что же касается первых государств Нового времени (Англии, Франции, Испании), это были политические конструкции, но укрепление политического единства уже при монархии сопровождалось зачатками культурной унификации, одновременно языковой и религиозной, которая способствовала зарождению национального сознания. В то же время, последнее широко распространилось лишь с появлением революционной идеи, согласно которой суверенитет должен исходить от народа, а не быть привилегией монарха.

Е.Ф.: Обратимся теперь к характерным признакам национального государства: что позволяет отличить его от других форм государственных образований? Являются ли демократическое устройство и гражданское общество неизменными атрибутами национального государства? А общие ценности и общая культура?

А.Д.: Вокруг «национального государства» всегда было и есть немало путаницы, связанной с двойным пониманием слова «нация». С одной стороны, национальное государство – это особое социально-политическое образование, в котором весь народ (нация) составляет политическую общность, являющуюся носителем суверенитета. С другой

стороны, национальное государство также стремится учредить национальную общность, подавляя «первичные» (религиозные, региональные) идентичности и распространяя унифицированные культурные нормы с целью добиться совпадения политической и культурной общности⁴. Франция обычно считается архетипом национального государства, поскольку с течением времени ей удалось реализовать эту задачу, т.е. создать одновременно и политическую, и культурную общность. Однако принцип гомогенизации общества всегда остается в значительной мере идеалом, и на деле совпадение политического и культурного единства далеко не полно. Из-за сохраняющейся внутренней культурной разнородности «настоящие» государства-нации представляют собой большую редкость.

Что касается демократии, то она теснейшим образом связана с самой сутью национального государства: суверенитет принадлежит всему народу, а потому последний должен иметь возможность свободного политического выбора. Напротив, демократия может находить свое выражение не только в национальном государстве, но и в других политических формах. Так, многонациональное государство (в состав которого входят несколько культурных наций) вполне может быть демократическим.

Е.Ф.: Что конкретно Вы понимаете под многонациональными государствами?

А.Д.: Многонациональное государство включает две или более национальные группы (определенные по этнокультурному принципу). Так, Российская Федерация с ее русскими, татарами, чеченцами и т.п. – безусловно, многонациональное государство. То же относится к Испании (каталонцы, баски, галисийцы и др.) и Соединенному Королевству (англичане, шотландцы, ирландцы, валлийцы). Канадский и бельгийский случаи несколько отличаются, поскольку если квебекцы или фламандцы, действительно, считают себя отдельными нациями, то ни канадские англофоны, ни франкоязычные бельгийцы не рассматривают себя как нации, а только как языковые сообщества. В то же время структурно они представляют собой особые национальные группы, хотя их самоидентификация опосредована чувством принадлежности к национальному государству.

Группы, в которых сильны националистические движения, иногда называют «нациями без государства»⁵. Такое словопотребление вызывает, однако, определенные вопросы. Во-первых, потому, что эти «нации» в действительности входят в состав государства, хотя какая-то часть их членов не считает это государство своим. Во-вторых, потому что у этих наций есть административный аппарат, иногда весьма совершенный (региональные государственные образования, как например автономная область Каталония, провинция Квебек, фламандский регион в Бельгии), дающий им возможность реальных действий. Некоторые авторы предпочитают говорить о «малых нациях»⁶, но это понятие также создает проблемы. Прежде всего, из-за основного критерия – размера (в основном демографического), который сложно определить количественно. Кроме того, этот термин неудобен тем, что затушевывает разницу (притом принципиальную) между малыми нациями, лишенными государства, и теми, у кого оно есть (Люксембург, Эстония, Латвия и т.д.). Поэтому, с учетом всех неудобств, я все же отдаю предпочтение понятию «нации без государства», поскольку оно акцентирует основную цель националистов: собственное независимое государство.

Е.Ф.: Как объяснить явное противоречие между разговорами о грядущем исчезновении национального государства под натиском глобализации и тем фактом, что число независимых государств непрерывно растет?

А.Д.: Начну с того, что идея о неизбежном размывании национальной специфики и постепенном стирании национальных границ в результате умножения международных экономических связей и формирования всемирных сетей коммуникации мне кажется абсолютно ложной. Глобализация – это процесс, действующий в два приема. С одной стороны, глобализация экономики, возрастающая роль международных организаций, воз-

никновение общемировых проблем (таких, как состояние окружающей среды), универсализация определенных принципов (прав человека, демократии) создают в определенном смысле мировую цивилизацию. Последняя, разумеется, не распространяется на всю планету, но фрагменты ее, безусловно, существуют. Между тем, это сближение само по себе порождает сильнейшую символическую дифференциацию, в особенности это касается требований признания коллективных идентичностей – национальных или этнических. Иначе говоря, парадокс национализма в начале XXI века состоит именно в этом кажущемся противоречии: национализм проявляется с новой силой как раз в тот момент, когда люди начинают все более походить друг на друга.

Если рост контактов и взаимодействий влечет за собой усиление сходства – и в этом смысле ведет к ассимиляции на национальном (испанском, канадском и т.п.) и даже на наднациональном (европейском, например) уровнях, – он ни в коей мере не противоречит параллельной тенденции к сохранению различий. Думать иначе – означает путать сближение социокультурных характеристик со сближением идентичностей. Приобретения общих привычек, форм поведения, похожих ценностей недостаточно для рождения общей идентичности. Конечно, само по себе сближение ценностей и установок не вызывает стремления к национальному обособлению. Баварцы, саксонцы или гессенцы не начнут завтра борьбу за восстановление бывших королевств и княжеств только потому, что они разделяют стандартную немецкую идентичность. Однако сходство, вместо того чтобы размывать границы между разными идентичностями, зачастую способствует их упрочению.

Материальным воплощением этой дифференцирующей динамики служит умножение границ. В 1990-е годы на обломках коммунистического блока образовались 22 новых государства, 16 из них – в Европе, если считать ее географическим рубежом Уральские горы⁷. Это означает возникновение 26 651 км новых государственных границ, из них 11 829 км находятся в Европе (остальные – в Центральной Азии)⁸. Протяженность границ неминуемо увеличится, если и другие национализмы добьются своих целей: создания независимых государств⁹.

Е.Ф.: В отличие от иных наднациональных образований, Европа, кажется, единственная претендует на особую идентичность. Но можно ли ожидать, что дети или внуки сегодняшних французов, голландцев или немцев будут считать себя «просто» европейцами? На каком фундаменте можно было бы выстроить европейскую идентичность? Что тормозит формирование этого уровня идентичности у населения европейских государств?

А.Д.: Нужно отличать супранационализм от постнационализма. Первый с конца 1950-х годов защищали теоретики неофункционализма, такие как Эрнст Хаас, считавшие, что углубление экономической интеграции постепенно распространится и на иные сферы, в частности, на политику. Мало-помалу должно было появиться европейское супер-государство. Эта перспектива не реализовалась. Много позже, в 1990-е годы, возникла новая идея: идея постнационализма. Последний предполагал не исчезновение государств-членов, но выход за их пределы благодаря упрочению общеевропейского публичного пространства, которое, как ожидалось, постепенно будет становиться основной политической площадкой. Этот самый постнационализм, который освятил своим авторитетом Ю. Хабермас, означает «прежде всего ненационалистический мотив для участия в политической общности, основывающийся исключительно на фундаментальных принципах, таких как демократия и правовое государство»¹⁰. По моему мнению, невероятно, что такой постнационализм станет реальностью в обозримом будущем, и тому есть две причины.

Первая имеет отношение к самому способу конструирования Евросоюза, не позволившему возникнуть настоящему европейскому публичному пространству – необходимому основанию общей политической культуры. Безусловно, общее законодательство, единый рынок, валютный союз, учреждение общеевропейского гражданства, сотрудни-

чество в сфере внутренней безопасности подтверждают, что региональная интеграция продолжается и что сложные процессы преодоления национальной логики запущены, но этого еще далеко не достаточно для формирования общего публичного пространства. Это регулярно подтверждают европейские выборы: с уровнем неучастия в 55% европейское политическое сообщество кажется неустойчивым¹¹. К тому же, даже если какая-то часть элиты уже освоила европейское пространство, европейское гражданское общество находится в лучшем случае в зачаточном состоянии, а подавляющее большинство населения государств-членов по-прежнему перемещается исключительно или по большей части внутри национальных границ. В 2011 г. только 12,8 миллионов, или 2,5% граждан ЕС жили на территории другого европейского государства, чем их собственное.

Другая причина, заставляющая усомниться в триумфе постнационализма, имеет отношение к его сверхполитизированному характеру, базирующемуся исключительно на приверженности ценностям правового государства и демократии. Однако конституционный патриотизм как на общеевропейском, так и на национальном уровне представляет собой слишком слабую связь, чтобы обеспечить национальное согласие и породить чувство коллективной принадлежности. Широко разделяемая в рамках ЕС приверженность принципам представительной демократии недостаточна для того, чтобы стать основой европейской идентичности. Может ли укрепить последнюю формирование общеевропейского коллективного воображаемого? Очевидно, создание общеевропейской памяти – задача непростая, поскольку мотивы для разделения как минимум столь же многочисленны, что и для объединения. Отсюда большой соблазн создать нейтральную, всех устраивающую версию общеевропейского воображаемого, недостатком которого неизбежно будет слабая эмоциональная составляющая. Европейские банкноты – хорошее тому подтверждение: на них видны стилизованные изображения мостов, готических или романских арок, но ни один из этих объектов невозможно идентифицировать с каким-либо конкретным местом. Это чистые абстракции, не способные вызвать никакого сильного чувства.

Е.Ф.: Не эти ли особенности единой Европы объясняют возникновение, в разных формах, новой волны национализма на «старом континенте»?

А.Д.: Для начала хочу констатировать, что сегодня национализм уже не тот, каким он был семьдесят лет назад, в период между двумя мировыми войнами. Тогда это был массовый феномен с сильным мобилизационным потенциалом. Сегодня же многие признаки свидетельствуют о размывании, обесценивании национального чувства, особенно среди молодежи. Национальная гордость, доверие к армии и готовность защитить свою страну в случае войны существенно снизились. В то же время, доверие к соседним народам (например, между немцами и французами) и чувство принадлежности к европейскому сообществу заметно выросли. Одним словом, сегодня в Европе общей тенденцией, бесспорно, является ослабление национального чувства. Однако это происходит не за счет появления наднационального, европейского самосознания, а скорее за счет широкого распространения индивидуалистических ценностей, подрывающих саму основу преимущественно коллективистского этоса национализма.

Однако даже если национализм перестал быть мощной социально-политической силой, каковой он был в межвоенный период, он, безусловно, сохраняет свою силу на трех уровнях. Во-первых, привязанность граждан к своей национальной идентичности, хотя и не столь интенсивная, по-прежнему существует. Она особенно выражена в таких странах, как Дания или Великобритания, где ей сопутствует выраженное антиевропейское чувство, но далеко не маргинальна и в Греции или во Франции. В последней референдум сентября 1992 г. по Маастрихтским соглашениям едва не провалился из-за большого числа проголосовавших против. В ходе другого референдума, 29 мая 2005 г., почти 55% французов отклонили проект европейской Конституции, а тремя днями позже свое «нет» сказали 62% голландцев. Несмотря на то, что это двойное «нет» было обусловлено це-

лым рядом факторов, желание сохранить государственный суверенитет сыграло, безусловно, свою роль.

Во-вторых, национализм присутствует как реакционная сила в форме настоящего национал-популизма. Это политическое течение, отстаивающее закрытую концепцию национальной идентичности, в которой центральное место занимает враждебное отношение к иммигрантам, добилось больших успехов в последние 15 лет. Во Франции лидер Национального фронта, получив 20% голосов в первом туре президентских выборов в 2002 г., вышел во второй тур. Австрийская партия свободы Йорга Хайдера стала второй политической силой в стране в результате выборов 1999 г. и смогла войти в правительственную коалицию¹²; в Дании выборы 2001 г. подняли национал-консервативную Народную партию на третье место среди политических сил, и эта партия поддерживала либерально-консервативное правительство (не участвуя в нем) вплоть до 2011 г. Все эти партии стремятся утвердить сильную, исключительную, а иногда и биологизаторскую концепцию нации и отвергают европейский проект, который они считают опасным заговором против самого существования наций.

Антиевропейские установки этих централизаторских национализмов разделяют некоторые организации, которые в остальном стоят на противоположных с ними позициях: речь идет о сепаратистских националистических движениях, представляющих собой третью разновидность национализма в Европе. «Фламандский Интерес» в Бельгии или Северная Лига в Италии выступают за раскол своих стран и требуют независимости соответствующих регионов – Фландрии и «Падании» – иными словами, создания новых государств, чтобы защитить островки коллективных идентичностей, которым «угрожает» стирание границ в результате реализации европейского проекта¹³. Интересно заметить, что националисты крайне левого толка (бывшая Батасуна в Стране Басков или Шинн Фейн в Северной Ирландии) разделяют те же опасения. По их мнению, дальнейшее развитие европейской интеграции приведет к усилению «иностранной экономической колонизации» и к растворению региональных/национальных идентичностей. Только автономистские движения, которые борются за расширение своих полномочий в рамках существующих государств, положительно относятся к европейскому объединению: Национальная партия Шотландии, каталонская коалиция «Сближение и союз», Баскская националистическая партия, Социально-Христианская партия Фландрии видят в федеративной Европе прекрасное средство для ограничения власти центра и укрепления позиций соответствующих регионов.

Из всего сказанного можно сделать вывод лишь о живучести национальной идентичности в Европе, будь то в форме привязанности к национальному государству, популистского и реакционного национализма или «регионального национализма».

Примечания

¹ *Meinecke F. Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zu der Genesis des deutschen Nationalstaates.* Berlin; München: Oldenbourg, 1915 (первое издание – 1907).

² *Kohn H. The Idea of Nationalism. A Study in its Origins and Background.* N.Y.: Macmillan, 1946, p. 329.

³ *Kamenka E. Political Nationalism. The Evolution of the Idea // Nationalism. The Nature and Evolution of an Idea.* L.: Edward Arnold, 1976, p. 3–20.

⁴ *Gellner E. Nations et nationalism.* P.: Payot, 1983, p. 69.

⁵ Я сам использую это выражение в моей книге “La nation dans tous ses Etats. Les identités nationales en mouvement” (Paris: Flammarion, 2012 [первое издание: 2000]). См. также: *Guibernau M. Nations Without States, Political Communities in a Global Age.* Camb.: Polity Press, 1999; *Keating M. Plurinational Democracies: Stateless Nations in a Post-sovereignty Era.* Oxf.: Oxford University Press, 2001.

⁶ *Cardinal L., Papillon M. Le Québec et l'analyse comparée des petites nations // Politique et Sociétés.* 2011, vol. 30, № 1, p. 75–93.

⁷ В этот список я не включаю Косово, провозгласившее независимость в феврале 2008 г. Хотя некоторые государства, включая США, признали этот акт, в настоящее время этот новичок нахо-

дится на особом положении, поскольку независимость была провозглашена в одностороннем порядке и не получила законодательного одобрения со стороны международного сообщества.

⁸ *Foucher M.* L'obsession des frontières. P.: Perrin, 2007, p. 131–132.

⁹ *Dieckhoff A.* Nationalist Processes and State Divisions in Europe // *Nationalism and Binationalism. The Perils of Perfect Structures* / Eds. A. Shapira, Y. Stern, A. Yakobson. Eastbourne: Sussex Academic Press, 2013, p. 22–33.

¹⁰ *Ferry J.-M.* Quel patriotisme au-delà des nationalismes? Réflexion sur les fondements motivationnels d'une citoyenneté européenne // *Sociologie des nationalisms* / Dir. P. Birnbaum. P.: PUF, 1997, p. 436.

¹¹ Средний уровень участия в европейских выборах в государствах-основателях Евросоюза колеблется в районе 45%. Он гораздо ниже (около 30%). Важно отметить в то же время большие различия внутри этой группы: так, Мальта демонстрирует самый высокий уровень гражданской активности (80%), а Словакия – самый низкий (менее 20%).

¹² Несмотря на существенно меньшую электоральную поддержку в 2002 г., Австрийская партия свободы оставалась членом правительственной коалиции. В апреле 2005 г. в результате внутрипартийного кризиса сторонники продолжения участия в коалиции во главе с Й. Хайдером создали новую организацию, «Союз за будущее Австрии», которая входила в состав правительства вплоть до 2006 г.

¹³ Союз с партией «Вперед, Италия!» Сильвио Берлускони в парламенте созыва 2001–2006 гг. вынудил Северную Лигу официально отказаться от своих сепаратистских устремлений в пользу более широкой внутренней автономии.

Пер. с франц. Е.И. Филипповой

A. Dieckhoff, E.I. Filippova. Rethinking the Nation in the “Postnational” Era

Keywords: nation, nation state, nationalism, national populism, separatism, postnationalism, supranationalism

The interview explores issues concerning the nature and character of nation states, the changes they undergo as a result of globalization, their prospects, as well as causes and manifestations of contemporary nationalism